

С тех пор как госпожа Юй приняла решение начать обучение Цзян Чэна, мальчик официально вступил на путь постижения наук и совершенствования.

Растерянный Ваньинь и такой же растерянный У-ю сидели в учебном классе, слушая туманные речи наставника...

Внутри пространства в горчичном зерне:

Ваньинь сидел на корточках, мучительно обхватив голову руками, и лишь повторял одно и то же:

— Ничего не понятно, совсем ничего не понятно...

У-ю поспешно принялся гладить его по голове и похлопывать по спине, успокаивая:

— Со мной всё в порядке, правда. Позже я расскажу тебе, как я сам это понял...

Наставник поначалу беспокоился, что Цзян Чэн слишком мал и не поспеет за программой, но не ожидал, что ребенок окажется столь одаренным и будет схватывать всё на лету. Поглаживая бороду, учитель довольно кивал, про себя отмечая:

— Отрок достоин обучения, поистине достоин...

На этапе введения ци в тело требовалось открыть собственные меридианы, чтобы они могли вмещать больше духовной энергии для последующего использования. Чем шире и многочисленнее открытые каналы, тем больше энергии можно накопить и пустить в ход.

Два разума в одном теле — это сила. Как только Цзян Чэн усвоил теорию, он довольно быстро научился вводить ци в тело, правда, делал он это весьма своеобразно.

Внутри пространства в горчичном зерне:

Ваньинь наблюдал за сгустками духовной энергии, мерцающими перед глазами:

— Почему они не хотят проникать в мое тело? Лови их, лови!

У-ю отозвался:

— Отойди, дай мне! Это я умею... — он мягко притянул энергию к себе, медленно впитывая её, а затем, завершив поглощение, принялся постепенно осаждать и сохранять накопленное.

Затем наступил следующий этап: тренировка с мечом. На этом этапе У-ю пришлось несладко.

Он выл в голос:

— Спасите... Как деревянный меч может быть таким тяжелым? И как у него вообще хватает совести называться деревянным? У меня руки отваливаются, поясница ноет...

Пока У-ю причитал и лил слезы, Ваньинь перехватил инициативу и рассмеялся:

— Ха-ха, это я умею. Давай сюда, как же ты можешь быть таким неженкой?

Сказав это, он принялся крутить меч так лихо, что тот свистел в воздухе, выписывая причудливые узоры, — зрелище было поразительным.

Только научившись уверенно владеть мечом, можно переходить к полетам на нем. А полет на мече — это была заветная мечта У-ю. В конце концов, кто из людей нашего времени устоит перед искушением полетать на мече?

Вероятно, из-за того, что два сапога — пара, уровень совершенствования Цзян Чэна сейчас был значительно выше, чем в прошлой жизни. Да и его прежняя неспособность к пониманию абстрактных вещей вовсе не означала глупость: он начал обучение на два года раньше сверстников, ему ведь всего три года.

В этой жизни к нему рано приклеился ярлык юного гения, так что у госпожи Юй почти не осталось пространства для её любимых методов подавления. Постепенно имя Цзян Чэна стало весомым в мире заклинателей. Видя столь выдающегося сына, госпожа Юй втайне гордилась собой:

— Наконец-то, наконец-то хоть в чем-то я смогу превзойти её.

Даже Цзян Фэнмянь стал чаще видеть благосклонный взгляд супруги. Поистине, это было весьма отрадно.

Дни шли своим чередом. Когда Цзян Чэну исполнилось четыре года, на него обрушилось бремя Шести искусств благородного мужа: ритуал, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия и математика.

Два четырехлетних карапуза в пространстве в горчичном зерне переглянулись и разом приуныли. Откуда взялось столько всего?

Они бегали кругами, оглашая пространство криками:

— А-а-а! — и продолжали носиться, словно два обезумевших Губки Боба.

Наконец, успокоившись и осознав, что отвертеться не удастся, они договорились: физическую работу берет на себя Ваньинь, а умственную — У-ю.

Сначала — ритуал.

У-ю:

— Я учу, запоминаю, читаю...

Ваньинь:

— Я тренируюсь, держу спину прямо, я благородный муж... и втайне вытираю слезы.

Затем — музыка.

Наставник по музыке, поглаживая бороду, задумчиво посмотрел вдаль:

— Цинь — первый среди инструментов благородного мужа.

Внутри пространства в горчичном зерне:

Ваньинь почесал подбородок:

— Мне кажется, пипа интереснее. В прошлый раз я видел, как внешние ученики слушали певицу на лодке в Лотосовой заводи, звучало очень красиво...

У-ю скованно обернулся к нему:

— Ты уверен, что наша матушка позволит нам это учить?

Две маленькие головы синхронно поднялись к небу. Перед глазами встала картина: они подбегают к матушке и радостно щебечут: Матушка, мы хотим научиться играть на пипе! А затем — госпожа Юй, чьи глаза мечут молнии, а в руках вспыхивает Цзыдянь...

Оба вздрогнули, по спине пробежал холодок, и они поспешно отказались от этой идеи.

У-ю погладил Ваньиня по голове:

— Ничего, если тебе так нравится, будем учиться тайком.

Ваньинь спросил:

— А ты что хочешь?

У-ю ответил:

— Я хочу что-то такое, чтобы выглядело пафосно и солидно. — Он ткнул пальцем в иллюстрацию кунхоу в справочнике музыкальных инструментов. — Пусть будет кунхоу. Говорят, легендарный древний артефакт, Цинь Потока Света, — это и есть кунхоу. А вообще, я просто хочу сыграть на нем мелодии из Небесного замка и Большой рыбы, хе-хе.

Хотя Цзян Чэн не выбрал цинь, из-за настойчивости госпожи Юй и учителя ему пришлось учиться играть и на кунхоу, и на цине. Благодаря музыкальным воспоминаниям из прошлой жизни, Цзян Чэн стали считать музыкальным гением. Больше всего людей восхищало то, что маленький Цзян Чэн сочинил колыбельную, которая стала невероятно популярной среди всех детей.

(У-ю, неужели ты не хотел сыграть что-то более впечатляющее? Нет! Просто техника пока подводила, ха-ха-ха, это не насмешка, правда, поверь мне!)

Стрельбу и управление колесницей взял на себя Ваньинь, чему У-ю был только рад. Каллиграфия, от которой ныли руки и спина, также отошла Ваньиню. А математика...

У-ю:

— О, проклятая математика! Почему даже в древности нужно учить математику? У меня кружится голова, темнеет в глазах... Ваньинь!

После недолгих уговоров, пожертвовав таблицей умножения, он спихнул этот предмет на Ваньиня.

У-ю становился всё более ловким в общении. Когда чета Цзян ссорилась, он уже мог умело примирить их, благодаря чему отношения между родителями стали гораздо лучше, чем в прошлой жизни.

Так, в трудах и заботах, пролетел год, и У-ю исполнилось пять лет. Не пришло известие о гибели четы Вэй.

У-ю тихо вздохнул:

— Как хорошо! Раз так, Вэй Ин должен расти счастливым ребенком в заботливых руках родителей.

Он довольно покачивал головой, поглаживая трех щенков, крутившихся у ног:

— Фэйфэй, Жасмин, Сяо Ай... Какие вы послушные, хорошие мои!

Имена говорили сами за себя. Узнав, что Цзян Чэн любит собак, его дедушка и бабушка по линии Юй подарили ему трех духовных псов.

У-ю причмокнул:

— Раз Усяня никто не кусал, в этой жизни он тоже должен любить собак...

Ваньинь, в тоске решая математическую задачу и глядя на это точь-в-точь похожее на него существо, которое одновременно бормотало что-то под нос и довольно улыбалось, лишь молча вздохнул.

Время текло, наполненное делами и привычной рутиной.

<http://bllate.org/book/21513/2206485>